

Лада ЕРМОЛИНСКАЯ

— Никита Владимирович, что-то в последнее время не слышно ваших новых песен.

— А я их и не пишу! В этой манере давно никто не поет, а менять стиль в угоду времени я не хочу, он мне очень даже нравится. Иногда Валя Толкунова или Лева Лещенко могут обо мне вспомнить, но писать песни для пяти-шести человек в огромной стране, по-моему, нет смысла.

— Молодежь вас не вдохновляет?

— Я считаю, что современная музыка хоть и плохая, но все же музыка, а вот мои коллеги полагают, что это не музыка вообще и что опозоренный жанр давно пора спасать. Поп-музыка умирает, у нее появляются какие-то механистические, а не музыкальные свойства. Что тут можно сделать, я себе не представляю. Изобрести новый инструмент? Тогда каким он должен быть?

— Почему вашу симфоническую музыку так мало исполняют в России? За рубежом она звучит гораздо чаще.

— У нас любят традиционные симфонические концерты и очень неохотно исполняют сочинения современных композиторов. В основном их играют на «Московской осени» и в республиках, чтобы погордиться: дескать, вот у нас какие есть, а не только одни акыны! Кроме того, на концерты членов Союза композиторов никто не ходит. Это традиция. Хотя... на концерте одного моего друга-симфониста было пять-шесть человек — не друзей и не родственников. Видите — значит, интерес все-таки есть! А за граница всегда была любопытна к русским сочинениям (из моих там особенно охотно исполняют Четвертую и Пятую симфонии). Мне кажется, они просто не могут поверить, что в дикой стране дикие люди пишут цивилизованную музыку.

— Кто и что вас вдохновляет на творческие свершения?

— Очень помогает жена Алла (в девичестве Сивашова). Она, что чрезвычайно редко бывает в нашей среде, тоже композитор, блестяще окончила композиторский факультет Ленинградской консерватории. Кстати, недавно с успехом прошел ее концерт в Московском доме актера.

— Сочиняя песню, вы пишете музыку на слова или наоборот: сначала работаете вы, а потом уже поэт?

— Это невозможно объяснить. У некоторых есть система (так называемая болванка), благодаря которой появляются подчас совершенно идиотские стихи, но в точном ритме. Такие стихи еще можно спасти мелодией. Но если композитор работает по системе, с этим уже ничего не сделаешь! Заставить кого угодно переделать одну строчку, два слова или три ноты мог настойчиво только Марк Бернес. Он звонил автору в три часа ночи, а если тот бросал трубку, повторял этот фокус в течение недели. Отказать ему было невозможно.

— А что переделывалось в эпохальной «Темной ночи»?

— Ничего. Я сел к роялю и тут же написал всю мелодию от начала до конца. (Это единственный известный мне случай, когда песня писалась ровно столько времени, сколько потом исполнялась.) Ночью ко мне приехал поэт Агатон и сразу написал стихи, তবে почти без помарок. А Марк Бернес на удивление быстро все записал, хотя обычно он очень долго учил слова и музыку, потом долго распаивался...

— Говорят, ваши с Марком Бернесом творческие споры иногда перерастали в приличия?

— Было и такое. Помню, снималась вторая серия «Большой жизни». Мы с Алешей Фатьяновым трудились, написали песню и принесли ее на студию. Марк послушал и говорит: «Эту муру я петь не буду». «То есть как это не будешь?» — возмутились мы с Фатьяновым и режиссером фильма Луковым. Я стал ругаться с Марком, и мы подрались. В результате Марк ушел, хлопнув дверью, а Луков ему влогонку крикнул: «Я снимаю тебя с роли!» На следующий день Бернес пришел умиротворенный, мурлыча себе под нос, и сказал: «Я тут ночью пытался напевать... Хрен с вами, давайте попробуем!» Так появилась песня «Три года ты мне снилась».

— А с советской властью вам приходилось воевать за свои песни?

— Любопытная история произошла с «Любимым го-

дом» (если помните, эта песня звучала в фильме «Истребители»). Помните эпизод? Марк Бернес сидит за роялем — белокурый, с молодым веселым лицом — и сам себе аккомпанирует (в кино нельзя без жульничества, поэтому аккомпанировал не он, а я). Когда фильм сдавали, случилось вот что. Директор Киевской студии Зяма Ицков (он погиб на войне) посмотрел и сказал: «Неплохой фильм. Вот только песню надо выбросить, она пошлая. Нашей молодежи нужны совсем другие песни». Но он куда-то уехал из Киева, и мы потихоньку отправились в Мо-

Никита Богословский. Стихотворение

В разгаре XXI век, и на исходе дня
уйдет последний человек, который знал меня.
Он с дряхлым лысым стариком, когда был глуп и мал,
совсем немного был знаком, его немного знал.

Кто был он мне? Кто я ему?

И в этот смертный миг
Он не расскажет никому, что жил такой старик,
который песни сочинял, смеялся и шутил,
который людям отдавал весь свой душевный пыл.

А люди плакали подчас от песен старика.
И это все уйдет от вас на долгие века.
А может, тих и одинок, через лавину лет
пробьется тонкий ручеек — его последний след.

И может, снова зазвучит, сердцами отражен,
забытый, но живой мотив, его сердечный стон.
Полетит песня не спеша, отправится в полет,
его ж бессмертная душа неслышно подпоет...

скуру сдавать картину. А там особо отметили нашу песню — как гражданскую лирику, нужную советской молодежи. Возвращаемся обратно в Киев и сообщаем: «Все в порядке, фильм принят. Песню полностью переписали. Все новое — стихи, музыка, даже исполнение!» Зяма посмотрел, послушал, строго на нас посмотрел и говорит: «Ну теперь другое дело!»

— Общеизвестно, что вы — мастер розыгрыша.

— Для меня это своеобразный вид отдыха. Но разыгрывал я всегда только тех, кто понимает юмор, иначе это выглядело бы как хулиганство.

— И какие ваши шутки составляли предмет вашей особой гордости?

— Классный прикол был с драматургом Губаревым. У него была дурацкая манера — он звонил, говорил: «Сегодня вечером я приду к тебе ужинать» и тут же вешал трубку. Я просто не успевал ничего возразить! И однажды, когда он в очередной раз мне это сообщил, терпение кончилось. Я позвал к себе друзей-драматургов Дыховичного и Слободского, Юру Никулина, еще кого-то. В общем, компания собралась веселая. А у меня был магнитофон, комбинированный с радио, и

КЛАССИК
ОБОЖАЛ

ПОЖУЛИГАННИТЬ

Некоторые неуклюжие товарищи полагают, что большой композитор — это мрачный и нелюдимый человек, в крайнем случае — зануда.

Никита Владимирович Богословский беспощадно опровергает это расхожее заблуждение. В свои девяносто он не просто веселый старикан, он — настоящая легенда приколов и розыгрышей. Звоню, спрашивая, могу ли приехать взять у юбиляра интервью. «Валяйте, — отвечает Богословский. — Дуйте!» И я дую со всех ног, по пути размышляя о том, что Никита Владимирович — ну очень большой композитор, но это обстоятельство совершенно не означает того, о чем вы прочитали вначале.

ДОСЬЕ «ВМ»

Никита Владимирович Богословский родился 22 мая 1913 г. в Санкт-Петербурге. В 1934 г. окончил Ленинградскую консерваторию по классу композиции (экстернат). Композитор, дирижер, пианист и литератор. В числе произведений Никиты Богословского симфоническая и камерная музыка, сочинения для музыкального театра, песни и музыка к кинофильмам и мультфильмам. Написал около 200 песен (среди которых: «Любимый город», «Спят курганы темные», «Темная ночь», «Шаланды», «Три года ты мне снилась», «Почему ж ты мне не встретилась»). Народный артист СССР.

где-то часиков в девять, за ужином, Володя Дыховичный звонит жене (набрал при этом пять цифр из шести) и говорит: «Дорогая, я у Никиты, не беспокойся... Да что ты говоришь?!» Оборачивается к нам: «Ребята, сталинские премии передают!» А я до этого зашел к Левитану и попросил его наговорить кое-что.

Но когда надо, умел
взяться за ум: «Темную
ночь» писал ровно
столько времени,
сколько она потом
исполнялась

Включаю «радио» и попадаю на середину передачи: «...премию первой степени Лавреневу Борису Андреевичу за пьесу «Синее и белое» — сто тысяч рублей; премию второй степени Никитину Николаю Николаевичу за пьесу «Мой дом» — пятьдесят тысяч рублей; премию третьей степени Губареву Виталию Георгиевичу за пьесу «Павлик Морозов» — двадцать пять тысяч рублей...»

Губарев тут же бежит в гастроном, и мы, как положено, отмечаем это дело. Как я и предполагал, он говорит: «Ребята, в полночь будут передавать список целиком. Давайте послушаем, по-

редколлегии. Губарев, как всегда, опаздывает. Когда он все-таки пришел в редакцию, то увидел висевшие в ряд: портрет Чехова, еще нескольких классиков и... он собственной персоной в кругу от унитазов! Погоди потом рассказывать, что никогда раньше не видел таких глаз, какие были в тот момент у драматурга.

— В одиночку «прикалываться» неинтересно. У вас, наверное, были достойные партнеры?

— Марк Бернес любил разыгрывать не меньше меня. Мы с ним всегда очень точно рассчитывали драматургию. Помню, в Киеве (Марк был там со своей первой женой Паолой) гастролировал очень знаменитый эстрадный певец и страшный бабник (не могу назвать его фамилию, потому что родственники живы и активны). И однажды он напросился с нами поужинать. Мы с удовольствием согласились, приготовили ему место рядом с Паолой. И вот он приходит после концерта — расфранченный, возбужденный успехом. Видит Паолу и тихонько спрашивает у меня: «Это кто?» Я говорю: «Это одна девица легкого поведения, которая приехала из Москвы подработать». Он начал за ней ухаживать и довольно быстро добился свидания. «Ровно в полночь, — томно сообщает ему барышня, — в четырехэтажной комнате я буду вас ждать. Дверь будет не заперта».

Полночь. В номере полумрак. Паола лежит в постели, до подбородка закрытая одеялом. Открывается дверь, входит наш певец и тоже раздевается (догола, между прочим!). В это время из ванной появляется абсолютно голый Бернес. «А вы как сюда попали? — удивляется он. — Ну понятно, в этой гостинице один ключ ко всем номерам!» Так знаменитый эстрадный певец с позором покинул номер и в тот же вечер переехал в другую гостиницу. Потом, правда, он нас простил.

— А вас друзья когда-нибудь разыгрывали?

— Один раз меня хорошо поймали. Я сочинял музыку для спектакля по пьесе Исидора Штока, которую ставили в Пушкинском театре. И я написал такое письмо: «Уважаемый товарищ Шток! Был на вашем спектакле, очень понравилось, но меня ужаснуло одно совпадение: имя, отчество и фамилия главного героя полностью совпадают с моими. Не могли бы вы оказать мне любезность — переменить их для театра, а если будете печатать пьесу, то и в печати тоже.» И послал письмо в Союз писателей, откуда его аккуратно передали Штоку.

Я веселюсь, рассказываю всем, как я его разыграл. А на меня как-то странно поглядывают. Наконец один приятель не выдержал и расколос. «Возьми извинительное письмо Штока и прочитай его ответ по первым буквам каждой строки», — сказал он. Я прочитал: там было высказано весьма неслестное отношение к моим умственным способностям. Оказывается, Шток показал письмо нашему общему другу Андрею Старостину, знаменитому футболисту, а тот узнал адрес (по инерции я написал на конверте свой собственный обратный адрес). И они вдвоем сочинили эту реляцию. Я ходил опозоренный довольно долго.

— Сейчас разыгрываете кого-нибудь?

— Все, кого я разыгрывал, давно умерли. Остался один Оскар Фельцман, но он обижается. Так что я ушел на покой, теперь консультирую молодежь и пишу книжки. У меня уже есть два сатирических романа — один про композиторов, другой про киношников. Причем люди, послужившие прототипами для персонажей этих романов, или вовсе перестали со мной здороваться, или небрежно кивают при встрече. Как я ни старался их заигрывать, они все равно узнали себя по свойствам характера и реальным случаям из жизни.

— Песен вы сейчас не пишете. А чем вы заняты?

— Недавно я написал стихотворение, которое, с одной стороны, может показаться мрачным, но с другой — вроде бы обнадеживает.

Стихотворение Никиты Владимировича см. выше

Екатерина ШЕКОВА

ра-
ду-
ем-
ся
за
то-
вари-
шей?»
Б ь е т
полночь,
мы вклю-
чаем ра-
дио, и на-
чинается
песня: «...пре-
мию первой
степени Лавре-
неву Борису Андре-
еву за пьесу «Синее
и белое» — сто тысяч
рублей; премию второй
степени Никитину Ни-
колаю Николаевичу за пьесу
«Мой дом» — пятьдесят тысяч
рублей... Губареву Виталию Георги-
евичу — ни хрена!» Я думал, с ним бу-
дет инфаркт!

— Обошлось?

— Но на этом история не закончилась. Я где-то достал маленькую фотографию Губарева, отдал ее увеличить и поехал на Колхозную площадь — купил сиденье для унитаза. Вставил туда фотографию и послал «портрет» в редакцию журнала «Театр», где Губарев числился ответственным секретарем. Идет заседание